

№ 5.

Цѣна 35 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ

нашего времени.

1. Немножко и радости.
2. Опасная категория.
3. Огонь Христовъ.
4. Тайны міра.
5. Испытаніе въ пустынѣ.
6. Солнце.
7. Religio.
8. Туфля.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Блова.

1918.

Вслѣдствіе повышенія съ февраля 1918 г. платы за пересылку печатныхъ бандеролей почтою, прошу лицъ, имѣющихъ лично у меня подписку дослать одинъ рубль за десять №№ „Апокалипсиса нашего времени“, по адресу: Въ Сергіевъ посадъ, Московскои губ., Красножовка Полевая ул., д. сваяц. Бѣляева В. В. Розанову.

Всѣхъ выпусковъ „Апокалипсиса“ заготовлено не менѣе 50—60, и только по техническимъ и денежнымъ препятствіямъ онъ растянется болѣе чѣмъ на годъ.

За величиною статьи, слѣдующій выпускъ выйдетъ въ двойномъ размѣрѣ (т. е. сразу №№ 6 и 7, за 70 коп.).

Очень рекомендую всѣмъ читателямъ „Апокалипсиса“, взволнованнымъ революціею, прочесть брошюру: „Научный социализмъ или ученіе о прибыли какъ рапгѣ“, инженеръ-технолога Трофимова, прекрасно раскрывающую софизмы, заложенныя въ нашу революцію.

Немножко и радости.

„Приндите володѣть и княжити надъ нами. Земля-бо наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ“. *Несторова льютонись.*

„Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя“.

Тютчевъ.

Удивительное сходство съ евреями. Удивительное до буквальности. Историки просмотрѣли, а славянофилы не догадались, что это вовсе не „отреченіе отъ власти“ народа, до такой степени ужъ будто-бы смиреннаго, а—*неумѣлость* власти, *недаровитость* къ ней, или, что лучше и даже превосходно до единственности: что это прекрасный даръ жить улицею, окологородкомъ, и—не болѣе, не грѣшнѣе.

„Съ насъ довольно и сплетень, да кумовства“.

Ей-ей, подъ нѣмцами намъ будетъ лучше. Нѣмцы наведутъ у насъ порядокъ,—„какъ въ Ригѣ“. Устроить полицію, департаменты. Согласимся, что вѣдь это было у насъ всегда

скверно и глупо. Министерію заведутъ. Не будутъ брать взятокъ,—наконецъ-то... и о чемъ мы были, начиная съ Сумарокова, и дошли до самаго Щедрина... „Бо наряда—нѣтъ“. Ну ихъ къ черту, болвановъ. Да, еще: наконецъ-то, наконецъ нѣмцы научатъ насъ русскому патріотизму, какъ дѣлали ихъ превосходные Вигель и Даль. Но такихъ было только двое и что-же могли они?

Мы-же овладѣемъ ихъ душою такъ преданно и горячо, какъ душою Вигеля, Даля, Ветенака (Востоковъ) и Гильфердинга. Вѣдь ни одинъ русскій душою въ нѣмца не передѣлался, потому что они во-истину болваны и почти безъ души. Почему такъ и способны „управлять“.

Покореніе Россіи Германією будетъ, на самомъ дѣлѣ и внутренно и духовно,—покореніе Германіи Россією. Мы наконецъ изъ нихъ,—изъ лучшихъ ихъ,—сдѣлаемъ что-то похожее на человѣка, а не на шталмейстера. А то за „шталмейстерами“ и „гофмейстерами“ они лицо человѣческое потеряли.

Мы научимъ ихъ танцовать, музыканить и пѣть пѣсни. Можетъ быть даже научимъ молиться. Они за это будутъ намъ рыть руду,

т.-е. пойдутъ въ каторгу, будутъ пахать землю, т.-е. станутъ мужиками, работать на станкахъ, т.-е. сдѣлаются рабочими. И будутъ заниматься аптеками, чѣмъ и до сихъ поръ ни одинъ русскій не занимался. „Не призваніе“.—Будутъ изготовлять намъ „французскіе горчичники“, тоже—какъ до сихъ поръ.

Мы дадимъ имъ пророковъ, попытаемся дать имъ понятіе о святости,—что едва-ли мыслимо. Но хоть попытаемся. Выучимъ говорить, пѣть пѣсни и сказывать сказки.

Въ тайнѣ вещей мы будемъ ихъ господами, а они нашими нянюшками. Любящими и послушными намъ. Они будутъ намъ служить. Матерьяльно служить. А мы будемъ ихъ духовно воспитывать.

Ибо и нигилизмъ нашъ тогда пройдетъ. Нигилизмъ есть отчаяніе человѣка о неспособности дѣлать дѣло, къ какому онъ вовсе не призванъ.

Мы какъ и евреи призваны къ идеямъ и чувствамъ, молитвѣ и музыкѣ, но не къ господству. Овладели-же къ несчастію и къ пагубѣ души и тѣла $\frac{1}{6}$ -ою частью суши. И, овладѣвъ, въ сущности испортили $\frac{1}{6}$ часть

суши. Планета не вытерпѣла и перевернула все. Планета, а не германцы.

Опасная категорія.

Обаятельный, обольстительный, лукавый.

Удивительно, что къ категоріи „лукавства“, — вотъ этого особеннаго и особой глубины грѣха, — не ведутъ вообще никакія порочныя ступени, кромѣ какъ если ступить на первую:

— Обаятеленъ...

— Что такое? Какъ? Почему?

— Обаятеленъ, — потому-что не подлежить укору, не представляетъ порока и пороковъ, и всѣхъ „обаяетъ“, съ перваго-же взгляда, какъ только кто увидитъ или услышитъ его.

— Обольстителенъ, потому-что въ силу качества непорочности и красоты — всѣ идутъ за нимъ.

Но вотъ странно: какъ-же изъ непорочности и красоты можетъ вдругъ выдти третья? Это совершенно не натурально. Но однако глазъ людской, обыкновенный и, такъ сказать нетенденціозный, вдругъ замѣтилъ, что опас-

ная категорія именно и начинается съ двухъ качествъ:

—Обаятельности, обольстительности.

Поэтому - бы, — „по предреченіямъ“, — надо быть особенно осторожнымъ, если вдругъ увидимъ человѣка особенно, исключительно невиннаго, чистаго, непорочнаго.

—Обаятельнаго.

Въ этомъ отношеніи хорошо-бы поставить зарокъ, въ виду именно предупрежденій:

— Пусть будетъ хоть маленькій порокъ. Почти — невинный, но — однако недостатокъ. Величайшій изъ древнихъ, коего люди могли счесть „Богомъ“, — и даже дѣйствительно начали было „искать его могилу какъ Бога“, и не могли найти, — что человѣкъ этотъ былъ — говоря славянскимъ словомъ, — „гугнивъ“. Т. е. онъ былъ косноязыченъ, заикался. „Спасъ народъ Божій отъ рабства“ и „далъ всѣ (всѣ!!) законы“, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ заикою. Качество — прямо смѣшное. Но качество невинно. И вотъ, по этому соединенію „невиннаго и смѣшнаго“, — мы узнаемъ Божію книгу и узнаемъ Божіе событіе.

Въ самомъ дѣлѣ: отъ событія и отъ книги
никакого „худого послѣдствія не проистекло“.
Нужно замѣтить, что „лукавое“ начинаетъ
узнаваться по *послѣдствіямъ*

Ибо прямо-то вѣдь какъ узнать: „обаяте-
лецъ“ и „обольщаетъ“.

Огонь Христовъ.

Гдѣ обожетъ огонь Христовъ...

Но—по настоящему обожетъ...

Тамъ уже никогда ничего не выростетъ.

Вотъ—и градъ Салима (Соломона)

И—судьба Іудеи.

И Павелъ, просившій распять его „не
какъ нашего Господа: но головою
книзу“, дабы „голова его была тамъ,
гдѣ ноги его возлюбленнаго Учителя“.

И—наши скопцы.

Объ этомъ-то и догадались впервые іезуиты.

Сказавшіе: „не увлекайтесь очень“. И на-
чавшіе торговать въ Парагваѣ.

Тайны міра.

Ты одинъ прекрасенъ, Господи Іисусе! И похулилъ міръ красотою Своею. А вѣдь міръ-то—Божіи.

Зачѣмъ-же Ты сказалъ: „я и Отець—одно“? Вы не только „одно“, а ты—идеишь на Него. И сдѣлалъ что Сатурнъ съ Ураномъ.

Ты осконилъ Его. И только чтобы осконить—и пришелъ. Вотъ! вотъ! вотъ!—наконецъ-то разгадка словъ о скопчествѣ. И что въ Евангеліи уже не „любятъ“, а живутъ какъ „Ангелы Божіи“: какъ въ плавняхъ при-Днѣпровскихъ, „со свѣчечками и закопавшись“. О, ужасы, ужасы...

И весь Ты ужасенъ. Ты—не простой, а именно—ужасенъ. И ты воскресъ, —о, я вѣрю! „Егда вознесусь—всѣхъ привлеку къ себѣ“.

Но,—чѣмъ?

О, ты не другъ челоуѣковъ. Нѣтъ, не другъ. „Договоръ“, „завѣтъ“ (о „ветхомъ“), и это кажется формально и сухо. Но какъ Ты ихъ ужасно угнетъ, до послѣдняго рабства. Поистинѣ—„рабы Господни“... Даже и до смерти, до мученичества.

Не потрясаетъ-ли: „ни единый мученикъ

не быль пощаженъ“. А вѣдь могъ-бы?...

Могъ-ли?

О...

Конечно, кто воскресилъ Лазаря—могъ. Значить—не заботьтѣ...?

О, о, о...

Ты все могъ, Господи Иисусе. Ты, „потрясшій небо и землю“.

И не избавившій даже дѣтей ни отъ муки небесной, ни отъ муки земной.

Рабы, рабы... Да, „договоръ“—онъ „святъ“—„Ты—миѣ, какъ я тебѣ“. Ты-же даль все униженіе и взялъ себѣ всю славу. И вотъ, неужели ты не понимаешь, почему на тебя возсталъ праведный Израиль. Онъ возсталъ—не понимая. „Что-то—не то“. Что—„не то“? Да похуливъ созданіе Божіе, ты болѣе всего похулить,—похулить особенно и страшно,—„отрока Іеговы“. И онъ, не понимая, „что“ и „за что“,—возсталъ на тебя.

Вотъ разгадка, вотъ разгадка, вотъ разгадка.

Ну, слушай: очень хороши „лиліи полевья“. Но вѣдь не хуже и „человѣкъ“? Что-же Ты его все гвоздилъ „грѣхомъ“? И испугалъ муками? „Тамъ будетъ огонь неугасимый“ и „скрежетъ зубовный“. Очень мило.

Вообще, все очень мило въ Твоемъ созданіи, по-пестнѣ — особомъ созданіи, особомъ „отъ Отца“. Люди болѣе не посягаютъ, не любятъ, не множатся. А всѣ слушаютъ Тебя, какъ эта бѣдная Марія.

О, бѣдная, бѣдная... Да ужъ не мученицали она „потомъ“, которую Ты тоже забылъ въ небесномъ величіи.

Искушеніе въ пустынь.

Чтобы быть „безъ грѣха“—Христу и надо было удалиться отъ міра... Оставить міръ... Т. е. *обезсилить* міръ.

„Силушка“—она грѣшна. Безъ „силушки“—что подѣлаешь? И надо было выбрать или „дѣло“, или—безгрѣшность.

Христось выбралъ безгрѣшность. Въ томъ и смыслъ искушенія въ пустынь. „И дамъ тебѣ всѣ царства міра“. Онъ не-взялъ. Но тогда какъ-же онъ „спасъ міръ“? Не-дѣланіемъ. „Уходите и вы въ пустыню“.

Не нужно царствъ... Не нужно міра. Не нужно вообще „ничего“... Нигилизмъ. Ахъ,

такъ вотъ *гдѣ корень его*. „Миръ безъ начинки“... Пирогъ безъ начинки. „Вкусно-ли“? Но, дѣйствительно: Христомъ вывалена вся начинка изъ пирога и то называется „христіанствомъ“.

Солнце.

Говорятъ: „Нѣтъ вѣчнаго *perpetuum mobile*“. Доказываютъ. Наука.

Свинья, роющая носомъ землю: посмотри вверхъ. Солнце.

Сказать: „солнце *устало*“, „теряетъ *энергію*“—безеумыслица. По-истинѣ, оно—*не истощается*, и все какъ-то—живетъ. Вотъ что если „не скучно“—то солнышко... Протурберанцы. Играетъ. Вулканы. „Корона солнечная“ (видна въ затмѣніяхъ). И—эти таинственные „ультра-фіолетовые лучи“, отъ конхъ, говорятъ,—вся жизнь.

RELIGIO.

Ростъ

было, есть, будетъ.

Почему оно „будетъ-то“?

Потому-что—есть **ростъ**...

Возростаніе, „больше“. Въ загадкѣ „больше“ лежить разгадка „прогресса“, „развитія“.

Все „развертывается“ изъ „точки“ въ „окружность“. И вотъ міръ изъ „точки. Бога“ развернулся въ „красоту-мірозданіе“.

И гдѣ-же „въ міръ“ нѣтъ „Бога“? И гдѣ-же „въ Богъ“—нѣтъ „міра“?

И вотъ они связаны. „Religio“... Молитва. Нѣтъ вещи, которая бы не „молилась“, потому-что она—„растетъ“. И знаетъ, что „изъ точки“ растетъ, изъ—*отцовской* точки.

И нѣтъ Бога не-Покровителя. Это—Провидѣніе. Ибо точка знаетъ свою окружность, какъ курица—порожденная ею яйца, на которыхъ она сидитъ.

Такъ вышли небо земля и звѣзды. Они „вышли“, потому-что міръ есть религія:—не потому, что „въ міръ зародилась религія“, а совсѣмъ и вовсе наоборотъ, совершенно и во все разное: потому-то и вышли „луна, звѣзды, и земля“, и „закружилось все—въ небо“, что въ тайнѣ и сущности мірозданія—какъ вздохъ и тѣнь—всегда лежала молитва.

Можно сказать, что вздохъ былъ „тѣмъ паромъ“, „туманомъ“, изъ котораго и вышло

„все“. Такъ что „все“—естественно и „задышало“, когда появилось.

Оно задышало, потому-что появилось изъ „вздоха“. Потому, что „вдохъ“—это „Богъ“.

Богъ—не бытіе. Не Всемогущество. Богъ—„первое въяніе“, „утро“. Изъ котораго все—„потомъ“.

Туфля.

Неужели-же, неужели всѣ европейцы,—и первые ученые изъ нихъ, и такъ вообще „толпа“, воображаютъ объ еврейхъ и объ отношеніи ихъ ко Христу, что это *одно лишь упорство* народа, сдѣлавшаго ошибку, но затѣмъ—ни за что не желающаго *поправиться*, сознать свою *ошибку*? Хотя „теперь-то уже очевидно все превосходство христіанства надъ закономъ Моисеевымъ“? „такимъ узкимъ и такимъ обрядовымъ?!!“—„Евреи *ошиблись*, не признавъ своимъ же пророками предреченнаго Мессію“ и просто въ одинъ скверный день бытія своего они перемѣшали туфли, одѣвъ правую ногу въ лѣвую туфлю, а лѣвую ногу въ правую туфлю“? „И вотъ съ тѣхъ поръ такъ и ходятъ, смѣша людей и являясь по-смѣшницемъ исторіи“...

Такова общая *концепція* европейцевъ и Европы объ Іудѣ и юданзмѣ.

Между тѣмъ, неужели европейцамъ не приходится на умъ, что „иначе переобувъ туфли“—еврей каждый и единолично содѣлался-бы въ христіанскомъ мірѣ равнозначуцъ Апостолу Павлу, и вообще—апостоламъ, которые „всѣ были изъ іудеевъ“? И что это обѣщало-бы и исполнило для нихъ обѣтованіе Исая: „будетъ время, и народы *понесутъ васъ на плечахъ своихъ*“... И это, т. е. исполненіе обѣтованія,—настало-бы просто „завтра“, „завтрашній день“... Неужели-же не очевидно, что если власть надъ цѣлымъ міромъ, „которая вотъ въ рукахъ уже“,—евреи не берутъ,—если корыстные не берутъ богатства, славолюбивые не берутъ славы, то...то...то...

Это—отъ того, что взять ее

грѣхъ

О,—такой *особенный* грѣхъ, въ такомъ *исключительномъ* видѣ грѣхъ... И который не простится ни въ жизни *этой*, ни—въ *будущей*. Это уже не воровство, кража, жадность, лѣнь, что мы дѣлаемъ каждый въ норкахъ житія своего, а что-то планетное, космогоническое, страшное. „Перемѣна *судьбы*

своей“. „Обмѣнить *душу* свою на богатства міра и на власть надъ міромъ“.

Какъ-же было европейцамъ, и особенно мыслителямъ европейскимъ, подумать не о „туфль на ногѣ“, о чемъ-то именно несопзмѣримѣйшемъ... И—не объ *управствѣ*, а о томъ: „не грѣхъ-ли это въ самомъ дѣлѣ?“

Если-же „грѣхъ признать Иисуса“: то, сверкая молніями сюда, какъ было не оглянуться:

„А, можетъ быть, мы—и *приняли этотъ грѣхъ*“?

Вѣдь такъ именно и получено самимъ Христомъ: получена *власть надъ цѣлымъ міромъ*, вопреки видимаго, рассказаннаго въ Евангеліи, отреченія;—*богатства цѣлаго міра*. Власть надъ *Европою*, европейцами, мыслью ихъ, *смысломъ* ихъ.

Вдругъ послѣдній бѣднякъ-еврей отказывается:—„не надо этого!“—„не хочу этого!“

Неужели не ясно, что это—не то-же, что „туфля“

Но, когда такъ: то не явно-ли, что скорѣе ужъ мы „обули *не такъ* ноги“,—но что вотъ именно мы, по своей дѣйствительно лѣни, по своей засвидѣтельствованной лѣни, лишь держимся этого *косно* и *по традиціи*.